

ВОПРОСЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

В статье излагается одна из концепций категоризации знаний. Освещены виды ментальных «упаковок». Под категоризацией понимается сложный процесс познавательной деятельности человека. Процессы категоризации имеют культурно обусловленный характер. Рассматриваются различные подходы к категоризации знаний. Указывается специфика категоризации в научной и наивной картинах мира. Сущность традиционного подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать одинаковым набором существенных признаков. Прототипический подход ориентирован на типичных представителей той или иной категории. Прототипы представляют собой основу культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Прототипы отражают стереотипы, функционирующие в той или иной лингвокультурной общности. Входящие в концепт смыслы структурируются в виде геистальта, фрейма, сценария. Определение того или иного геистальта связано с выявлением базового образа, который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления. Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Лингвистическая релевантность vs. нерелевантность слота / фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих. Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям.

Ключевые слова: категоризация, картина мира, прототип, геистальт, сценарий, фрейм.

Категоризация – сложный процесс познавательной деятельности человека, включающий в себя (а) образование категорий, обобщающих продукты концептуализации, (б) соотнесение со сформированными категориями новых знаний об устройстве мира, (в) структурирование знаний в виде фрейма, сценария и др., а также (г) классификацию языковых единиц, репрезентирующих данные ментальные величины. Под категорией следует понимать ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака (признаков), общности функций. Категория не только является результатом отражения действительности, но и выражает специфику её понимания. Процессы категоризации, суть которых заключается в объективации результатов когниции, тесно связаны с механизмами кодирования. Эти механизмы являются «матрицей семантизации окружающего мира» [1, с. 82], то есть категоризация отражает не только то, какими знаниями мы владеем и как их применяем, но и формы и способы сохранения знаний.

Процессы категоризации имеют культурно обусловленный характер. Так, в русском языке вишня и черешня входят в категорию ягоды, в немецком – фрукты. Различаются результаты категоризации в научной и наивной картинах мира. Например, в научной картине мира кит – млекопитающее животное, в наивной – рыба.

Существует несколько подходов к пониманию сущности категоризации и её объективации в языке. Рассмотрим их.

Традиционными являются учения, восходящие к трудам Аристотеля и Платона. Сущность этого подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать одинаковым набором существенных признаков, иметь тождественный статус в процессе категоризации. Данный подход осуществляется при составлении той или иной классификации. Например, семантическая классификация лексики предполагает наличие у всех элементов, образующих категорию, общей архисемы и одной или нескольких одинаковых дифференциальных сем в зависимости от уровня классификации. Так, терминологию самоварного промысла можно разделить на восемь групп: наименования технологических процессов и операций, инструментов, дефектов, материалов, видов продукции, профессий, приспособлений, инструментов. Каждая из указанных групп выделяется на основании общности архисемы, которая обозначена в названии лексической совокупности. Тематическая группа «Инструменты» имеет три уровня классификации. Каждая подгруппа включает в свой состав термины, дефиниции которых обладают общей дифференциальной семой, соответствующей тому или иному уровню классификации:

1-й уровень. Общая дифференциальная сема 'обрабатываемый материал': *деревобрабатывающий / металлообрабатывающий инструмент*;

2-й уровень – в группе «Металлообрабатывающий инструмент». Общая дифференциальная сема 'функция инструмента': *крепёжный, чистящий, сверлильный, раскроечный, гибочный, режущий, отделочный инструмент*;

3-й уровень – в группе «Отделочный инструмент». Общая дифференциальная сема ‘молоток’: *выемочный, кубовой, ленточный, отливной молотки, наводильник* (‘самоварный восьмигранный молоток, которым оттягивают стенки самовара’), *киянка* (‘деревянный молоток’).

Данный вид категоризации используется при научном картировании мира.

Другой подход основывается на трудах Л. фон Витгенштейна. В науке этот подход получил название теории *фамильного* (семейного) *сходства*. Сущность этой теории заключается в том, что тождественные признаки могут встречаться не у всех членов категории, а лишь у некоторых, причём набор признаков может варьироваться. Прототипом этой категории стали признаки членов одной человеческой семьи: одни родственники имеют общие черты характера, другие – внешнего сходства и т. п. Учение Л. фон Витгенштейна дало возможность для развития теории прототипов, представленной, в частности, в трудах Э. Рош.

Результаты процесса категоризации при данном подходе можно распределить по трём уровням: суперординатному (наиболее высокому, абстрактному, указывающему на родовые понятия), базисному и субординатному (включающему в себя единицы, детально характеризующие отдельные стороны какого-либо явления или именующие неактуальные объекты действительности). Наибольший интерес представляют те единицы, которые являются составляющими базисного уровня, ибо они представляют собой «скелет» культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Единицы, входящие в базисный уровень, называют прототипами. Прототип – привилегированный член, лучший образец той или иной категории, в наиболее полной форме отвечающий сути явления, проявляющий наилучшим образом свойства, характерные и для других её членов. Вокруг него группируются все остальные представители категории. Статус прототипа всегда культурно значим, поскольку прототипы отражают стереотипы, функционирующие в той или иной лингвокультурной общности. Так, в англосаксонской культуре прототипом птицы является малиновка, а в русской – ворона. В русской лингвокультуре прототипом гарнира является картофель, в азиатских – рис, в итальянской – паста.

Если при логическом подходе к процессу категоризации значения, формирующие ту или иную категорию или субкатеорию, имеют однотипную структуру, интегральные для той или иной категории семы обладают тождественным статусом в структуре значения, то при прототипическом – одинаковые по содержанию семы, как мы видели выше, могут иметь разный статус: быть архисемой, входить в дифференциальную, потенциальную или коннотативную часть семемы.

Полное лингвокультурологическое описание концепта невозможно без совмещения принципов одной и другой теории: «...Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для вариантов – одно не исключает другого» [2, с. 201]. Если классическая теория наилучшим образом отражает процессы научной категоризации, то прототипическая – наивной.

Для лингвокультурологического исследования большой интерес представляет базисный уровень категоризации, в котором «сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства» [3, с. 14]. Единицы этого уровня частотны, структурно просты, высокоинформативны.

Культурная специфика категоризации проявляется и в связи частей в составе категории (как мы сможем увидеть далее, это касается как концептуальных категорий, например сценариев, так и языковых, например коррелятов синонимических или антонимических оппозиций). Так, смысл ‘делай дело своевременно’ структурируется в русской и англосаксонской культурах в виде сценариев, вербализованных внутренними формами языковых единиц. Ср.: *make hay while the sun* (буквально ‘готовь сено, пока солнце сияет’ – акцент делается на том, что работу нужно осуществить до вечера) / *коси, коса, пока роса* (указанный вид деятельности должен быть осуществлён утром).

Если в русском языке синонимы слова *труженик* указывают на отношение к работе (*работяга, трудяга, трудоголик*), на связь с концептом «Любовь» (*трудолюб*), то в немецком языке синонимический ряд *rastlos Arbeitende* (‘работающий без передышки’); *der Werktätige* (‘работающий на заводе’) отражает иные сценарии в понимании человека труда: он осмысляется через место осуществления трудовой деятельности либо через соотношение с концептом «Отдых». Связь компонентов в составе категории определяется сферой опыта, который в каждой культуре разный.

Прототипическая категоризация используется при структурировании наивных картин мира.

Если подходить к категоризации с позиций номинализма, её объектом становятся только слова. При этом единицы концептуального уровня остаются вне описания. При реалистическом подходе категоризация отражает естественное положение вещей в природе. В этом случае без внимания остаются концептуальные особенности той или иной картины мира и специфические способы её вербализации. Наиболее точно подходит к процессам категоризации концептуализм, учитывающий не только вербальный уровень, но и промежуточный между словами и референтами – концептуальный.

Концептуализация – процесс, протекающий на ментальном уровне, категоризация касается уров-

ня как концептуального, так и языкового. Рассмотрим культурные аспекты категоризации на концептуальном и языковом уровнях.

Исследование механизмов вербализации культурного знания требует изучения отношений концепта с более простыми, структурирующими его смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, а также выяснения специфики их презентации в русском языке.

Рассмотренные мыслительные сущности могут иметь тот или иной тип «ментальной упаковки». Входящие в концепт смыслы структурируются в виде гештальта, фрейма, сценария.

Тот или иной смысл может быть «упакован» в виде концептуального гештальта, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное [4]. Определение того или иного гештальта связано с выявлением базового образа (матрицы), который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Например, части самовара ремесленник называл *щёчки, борода, носик, ножки, ручки* – все эти названия соотносятся с базовым образом «человек».

Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления.

Под фреймом М. Минский, Т.А. Ван Дейк, Ч. Филлмор и некоторые другие ученые учили понимать социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую). Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Например, пословицей *либо трынка-волынка, либо прялка-моталка* объективировано два фрейма: «трынка-волынка», в который включаются представления о досуге, гулянии, праздном времяпрепровождении, и «прялка-моталка», вербализующем знания о работе. Паремия *дом не велик, да лежать не велит* репрезентирует фрейм «дом», включающий в свой объём знания о ведении домашнего хозяйства.

Фреймы состоят из слотов. Слот (пустой узел) – это элемент фрейма, имеющий строго очерченный объём, но не обладающий содержанием. Это свойство слота позволяет идентичные виды знания включать в один фрейм. Иными словами, тот или иной слот в зависимости от ситуации заполняется переменными (конкретными данными той или иной ситуации). Например, фрейм «дом: домашнее хозяйство» можно представить в виде следующей структуры слотов: «ремонтные работы», «уборка», «стирка», «приготовление пищи», «уход за детьми», «содержание домашних животных» и пр. Понятно, что не все слоты данного фрейма могут

быть заполнены. Например, в рассказе Ф.А. Абрамова «Деревянные кони» репрезентируется данный фрейм, при этом указывается незаполненность слота «уход за детьми»: *«Максим... довольно равнодушный к своему хозяйству, как большинство бездетных мужчин, в последний выходной не разгибал спины: перебрал каменку в бане, поправил изгородь вокруг дома, разделал на чурки с весны лежавшие под окошками еловые кряжи...»*

В зависимости от объёма содержания структурируемого знания можно выделить гиперфреймы и гипотфреймы (субфреймы). Так, к гиперфреймам можно отнести фрейм «Труд» (структура данного фрейма дана ниже), к субфреймам – рассмотренные выше фреймы «дом», «прялка-моталка» и т. п.

Если фрейм или его слот репрезентируется словом, фразеологической единицей, паремией, его квалифицируют как лингвистически релевантный: *пахота, сенокос, тягловые повинности, мирская запашка, крутить баранку* (фрейм «труд водителя машины»), *бабе красна – мужику соха* (фреймы «пряление», «пахота»). Если репрезентация возможна только в форме текста, фрейм квалифицируется как лингвистически нерелевантный. Например, фрейм «выкладывание печей» является лингвистически нерелевантным, так как он не имеет однословных или устойчивых многословных репрезентаций и выражается только текстом. Так, частично он объективируется в рассказе А.Т. Твардовского «Печники». Лингвистическая релевантность vs. нерелевантность слота / фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих, поскольку наличие в языке той или иной языковой единицы свидетельствует о постоянной потребности у членов лингвокультурной общности или социума репрезентировать те или иные смыслы.

Тесно связаны с фреймом сцены, сценарии и скрипты. Все перечисленные виды концептуальной «упаковки» обусловлены понятием ситуации. Ситуация предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий. Те или иные ситуации отражаются в нашем сознании в виде образов (пропозиций, картин), где можно рассмотреть участников ситуации, их функции, обстоятельства, в которых разворачивается ситуация. Совокупность выделенных компонентов образует сцену. Сцены, следуя одна за другой, развиваются по определённому сценарию. Стереотипный, типичный сценарий называют скриптом. В качестве примера языковой репрезентации скрипта можно привести пословицы: *на Семёнов день до обеда паши, а после обеда пахаря и вальком погоняй; сей рассадку до Егорья, будет щей вдоволь*. Так, первая паремия объективирует сценарий Семёнова дня (1 сентября), дня, который по старому стилю был началом нового года. В этот день завершались работы в поле: заканчивался сбор урожая, озимый посев. С этого дня обычно начинали в избе зажи-

гать огонь. По Семёнову дню предсказывали осеннюю погоду. Он открывал период женских работ («бабьего лета»): засолку огурцов, раскладывание льна и подобное. Всё это заставляло русского крестьянина придавать этому дню особое значение, считать его точкой отсчёта нового периода жизни. Указанная совокупность информации формировала фоновые знания главного участника этого сценария – русского мужика-хозяина. Первого сентября, на Семёнов день, ему нужно было до обеда закончить полевые работы (первая группа следующих друг за другом сцен, эксплицируемых в пословице) и отпустить наёмных работников (вторая группа сцен). Регулярность данного сценария придавала ему стереотипный характер, то есть перевела в ранг скриптов.

Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Во-первых, набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Например, репрезентация смысла «прилагать излишнее старание к простому делу» в русском языке вербализуется внутренней формой, указывающей на сценарий «открывать ларец», а в английском – «есть вишню»: *a larчик просто открывался / to make two bites of a cherry* (буквально: ‘съесть вишню, раскусив её на две половинки’). Сценарии фокусируют внимание на наиболее значимых для лингвокультурной группы практиках. Ср. презентации сценариев в русской и немецкой лингвокультурах: солдат спит, а служба идёт // *auch wenn die Fischer schlafen, gehen die Fische ins Netz*. (Даже если рыбаки спят, рыба идёт в сеть). Хвалилась синица море зажечь // *mit dem Loeffel kann man das Meer nicht ausschoepfen*. (Ложкой нельзя вычерпать море). Подстрелянного сокола и ворона клювом долбит // *den toten Loeven kann jeder Hase am Barte zupfen*. (Мёртвого льва может каждый заяц за бороду дёрнуть). Работа не волк, в лес не убежит // *die Arbeit ist kein Frosch, sie huept uns nicht dafon*. (Работа не лягушка, она не ускачет). Старый конь борозды не

портит // *alte Ochse machen gerade Furchen*. (Старые быки делают прямые борозды). Стреляного воробья на мякине не проведёшь // *ein alter Fuchs geht nicht zum zweiten Mal ins Garn*. (Старая лиса второй раз в силки не попадает).

Во-вторых, воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям. Ввиду того что скрипт отражает стереотипные ситуации, он может быть соотнесён с базисным уровнем категоризации.

Лингвокультурологический подход к концепту отличается от взглядов когнитологов, рассматривающих фреймы, сцены, гештальты и прочее как способ структурирования содержания всего концепта и выделяющих на этом основании концепты-фреймы, концепты-гештальты, концепты-сценарии и др. (см. работы А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.).

Таким образом, процессы категоризации на концептуальном уровне включают в себя оформление экстенсиналов ментальных сущностей, связаны со структурированием их интенсиналов и обусловлены многообразием человеческих практик, а значит, имеют культурно маркированный характер.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: материалы 3-й междунар. конф. Ч. 2. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 82–84.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
4. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.